

**АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ**

## Читайте романы Натальи Александровой в серии «Артефакт & Детектив»:

- Хранитель Чаши Грааля
  - Клавесин Марии-Антуанетты
  - Сокровища Ирода
  - Завещание алхимика
  - Кинжал всевластия
  - Шкатулка Люцифера
  - Клад Наполеона
  - Тайна золота инков
  - Последний ученик да Винчи
  - Волшебный город
  - Талисман египетской царицы
  - Легенда о «Ночном дозоре»
  - Венец Чингисхана
  - Проклятие Осириса
  - Последняя загадка Ивана Грозного
  - Маска Нерона
  - Медальон инквизитора
  - Табакерка Робеспьера
  - Дублон капитана Флинта
  - Зеркало Лукреции Борджиа
  - Клинок князя Дракулы
  - Перстень Екатерины Великой
  - Ожерелье казненной королевы
  - Ларец графа Сен-Жермен
  - Монета Александра Македонского
  - Приворотный амулет Казановы
  - Наследство Марко Поло
  - Меч с берегов Валгаллы
  - Звезда Ассирийского царя
  - Золото Атлантиды
  - Осколок Тунгусского метеорита
  - Волшебный компас Колумба
  - Неизвестный шедевр Рембрандта
  - Амулет снежного человека
  - Ключ Гермеса Трисмегиста
  - Ожерелье богини Кали
  - Завещание короля Балдуина
  - Амулет Великого Слона
  - Колокольчики династии Минь
  - Золотая булава Юлия Цезаря
  - Фермуар последней фрейлины
  - Волшебные стрелы Робин Гуда
  - Крест княгини Ольги
  - Тайна тринадцати апостолов
  - Перстень Ивана Грозного
  - Последняя драма Шекспира
  - Венец скифского царя
  - Священный крест тамплиеров
  - Алмаз лорда Гамильтона
  - Гребень Маты Хари
  - Перчатка немецкого рыцаря
  - Загадка уральской Мадонны
  - Часослов Бориса Годунова
  - Стекланный сад
  - Щит царя Леонида
  - Тайна турецкого пашы
  - Печать Иоганна Гуттенберга
  - Четки Изабеллы Кастильской
  - Камея римской куртизанки
  - Сокровище великого Могола
  - Ладанка Жанны д'Арк
  - Шумерская погремушка
  - Смертельный инструмент ацтеков
  - Абиссинское заклинание
  - Венец царицы Тамары
  - Дар царицы Савской
  - Часы Зигмунда Фрейда
  - Кубок королевы Розамунды
  - Жезл Эхнатона
  - Медальон Распутина
  - Исчезнувший рог Минотавра
  - Мальтийский крест Павла Первого
  - Кольцо княжны Таракановой
  - Тайна багрового камня
  - Секрет золотой карусели
  - Лорнет герцогини де Рошфор
  - Лампа палладины
  - Чаша Герострата
  - Клинок флибустьера
- Сериал «Венецианский квартет.  
Крест святого Петра»**
- Таинственный сапфир апостола Петра
  - Магический камень апостола Петра
  - Огненный рубин апостола Петра
  - Священный изумруд апостола Петра

**Наталья  
Александрова**

**КЛИНОК  
ФЛИБУСТЬЕРА**



Москва  
2024

УДК 821.161.1-312.4  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44  
А46

Редактор серии *Е. Ирмеш*

Дизайн обложки *С. Курбатова*

**Александрова, Наталья Николаевна.**

А46 Клинок флибустьера : [роман] / Наталья Александрова. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-197251-6

Известный флибустьер Френсис Дрейк владел необычным волшебным клинком, который мог скрыть своего хозяина от врагов...

В наши дни Мила торопилась домой, чтобы поздравить мужа с юбилеем свадьбы, но вместо поздравлений ее ожидал неожиданный уход Павла из семьи. Это произошло настолько резко, что Мила даже забыла сказать уже бывшему супругу, что она взяла у него из сумки сверток. Теперь из-за загадочной вещицы у нее начались неприятности: кто-то напал на нее на улице и обшарил ее квартиру...

УДК 821.161.1-312.4  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Александрова Н.Н., 2024  
© Оформление. ООО «Издательство  
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-197251-6



«К ак медленно ползет время! — думала Мила, встав на ступеньку. — Прямо как этот эскалатор...»

Ей казалось, что лестница буквально стоит на месте, хотелось бежать вверх, но впереди стояли люди, и она поймала себя на том, что приплясывает на месте. Ее переполняла радостная энергия.

Не дождалась даже конца работы, отпросилась у начальника. Он нахмурил было брови, но взглянул на ее счастливое лицо и согласился, присовокупив вопрос, с чего это она сияет, как медный самовар.

«Есть причина», — улыбнулась она, а он только вздохнул и не стал расспрашивать.

Да Мила и сама не стала бы ничего рассказывать. Еще не хватало — делиться с начальником семейными проблемами. Тем более что и проблем-то никаких нет, одна сплошная радость.

Сегодня ровно три года, как они поженились с Павликом. Надо же, уже три года прошло, а промелькнули они так быстро...

Но хоть и не круглая дата, но все-таки Мила считает, что это — поворотный момент в их браке. Потому что теперь можно подумать о ребенке. Разумеется, сегодня она не станет затрагивать этот вопрос, потому что сегодня у них будет праздник. Причем никаких гостей, только они вдвоем. А потом, через некоторое время, Мила очень осторожно заведет этот разговор.

Осторожно — потому что Павлик... он не то чтобы против детей, но считает, что им еще рано, что нужно немного подождать, как он говорит — «опериться».

А чего ждать? Она, Мила, твердо уверена, что Павлик — это ее мужчина и что брак у них будет крепкий и навсегда. Как это говорится? В горе и в радости, в богатстве и в бедности, в болезни и в здравии...

С работой у нее и у мужа вроде бы все ничего, стабильно, квартира есть, хоть и две комнаты, но вполне можно будет и с ребенком существовать. Так что Мила рано или поздно Павлика уговорит, ведь они так любят друг друга.

Но это все потом, потом, а сегодня у них будет праздник!

Мила споткнулась, сходя с эскалатора, и вдруг ее пронзило странное чувство. Казалось, что весь мир вдруг закачался, как будто люди, банкоматы, автоматы для продажи билетов были не настоящие, а бутафорские, картонные. И они закачались под порывом ветра, хотя откуда было взяться такому сильному ветру, если все декорации находились в павильоне студии...

— Не стойте, девушка, на дороге! — сказал мужчина, налетевший на нее сзади. — В сторонку отойдите.

Мужчина был самый настоящий — крепкий, широкоплечий, и пахло от него потом и гамбургерами. Мила мигом пришла в себя — какая уж тут декорация — и пошла к выходу, ловко увернувшись от двери, которую этот тип и не подумал придержать.

По дороге она увидела дверь ресторана и посмотрела на часы. Павлик обычно возвращался к семи, у нее есть больше двух часов, не зря она отпросилась пораньше. Но, с другой стороны, если она потратит эти два часа на приготовление ужина, то встретит Павлика замотанной и уставшей. Нет уж, сегодня никакой кухни!

И Мила свернула к ресторану, где заказала кучу еды и заплатила за доставку. Обещали к семи.

Лифт не работал или просто застрял на верхнем этаже. Мила несколько не расстроилась, а поднялась на свой пятый на одном дыхании, даже не запыхалась несколько. Ключ в замке повернулся всего один раз, неужели Павлик уже дома?

Ну точно, решил тоже сегодня отпроситься пораньше...

А она-то еще переживала, что ни словом, ни намеком не напомнила ему про годовщину их свадьбы. Вчера он вернулся поздно и был такой уставший, а утром она ушла, когда он еще спал, и на ее поцелуй только всхрапнул в ответ. Он такой смешной, когда спит! Сопит носом и чмокает, как ребенок...

Мила открыла дверь осторожно, потому что в прихожей было темно. Она включила лампу-бра над зеркалом, заметила мимоходом, что один рожок не горит, и увидела портфель мужа, лежащий на тумбочке. Портфель был раскрыт, и оттуда высовывался край коробки.

Прихожая у них была небольшая, зато потом был еще довольно узкий коридорчик, который вел на кухню и в ванную. И только потом были двери комнат.

Мила прислушалась и уловила какие-то звуки из спальни. Вот скрипнула дверца шкафа, что-то упало на пол, мужской голос едва слышно чертыхнулся...

Она невольно улыбнулась: небось душ принимал и, как всегда, не может найти чистое белье.

Она поправила портфель, чтобы не упал с тумбочки, и коробка стала видна еще лучше. Небольшая такая коробка, завернута в белую бумагу... Ну конечно же, Павлик купил это для нее! А она-то еще опасалась, что он забудет! Ну, разумеется, как ее замечательный муж мог такое забыть? А что не в подарочной упаковке, так Павлик никогда не придавал значения таким мелочам. Главное, говорил, то, что внутри, а снаружи хоть в газету заверни, какая разница...

Мила с ним соглашалась для виду, но все же приятно, когда подарок в веселенькой упаковке, сразу радостно становится. Но и белая бумага сойдет.

Интересно, что же это такое? Милу вдруг обуяло ужасно сильное любопытство, она прислушалась



к доносящимся из комнаты звукам и осторожно потянула коробку из портфеля.

Ого, а подарок-то тяжеловат! Что же там может быть? Не кольцо, не браслет, ожерелье, что ли?

Мила попыталась развернуть бумагу, и тут в спальне что-то упало, она дернулась, и бумага порвалась.

Ой, как неудобно перед Павликом, он-то хотел сделать ей сюрприз...

Мила услышала шаги мужа, тут же метнулась в ванную и спрятала коробку в первое попавшееся под руку место — в корзину для грязного белья, прикрыв его двумя полотенцами. Она уговорит мужа вручить ей подарок во время ужина, а за это время сумеет пробраться в ванную и как-нибудь заклеймить порванное. Павлик ничего не заметит, мужчины никогда не обращают внимания на такие мелочи.

— Ты уже дома? — Она встретила появившегося в прихожей мужа радостной улыбкой. — Я тоже пораньше отпросилась, сегодня ведь такой день...

Он не ответил, она же, не замечая этого, продолжала разговор:

— Я еду заказала в ресторане у метро, но сказали, что только к семи доставят. Так что если ты голодный, то я могу что-нибудь...

Тут на глаза ей попались ботинки мужа. Ботинки были у него на ногах, то есть он вовсе не принимал душ и не искал в спальне чистое белье.

Мила подняла глаза и увидела, что Павлик какой-то не такой, как всегда. То есть он, конечно, не всегда был одинаковый — за три года, да что там,

почти за четыре, если считать со дня знакомства, она хорошо его изучила.

Он бывал веселым, бывал серьезным, бывал резким и даже грубоватым (очень редко), но сегодня с ее мужем что-то было явно не то.

Но Мила так настроилась на сегодняшний праздник, что никак не могла остановиться. Ей казалось, что если она будет говорить что-то пустое, то муж наконец рассмеется, назовет болтушкой и закроет ей рот поцелуем. Но на этот раз все было не так.

— Помолчи! — выдохнул муж, и тут она заметила, что он вытащил в прихожую дорожную сумку.

— Что? Что случилось? — упавшим голосом спросила она. — Ты уезжаешь? В командировку?

— Мила! — Он вздохнул и сел на тумбочку в прихожей, сбросив портфель на пол. — Помолчи и выслушай меня! Можешь ты меня выслушать, не дергаясь и не суетясь?

Мила отступила назад, потому что поняла, что то, что он сейчас скажет, разрубит ее прежнюю жизнь на ДО и на ПОСЛЕ, что теперь все будет иначе. И будет ли...

Она все пятилась и пятилась, пока не уперлась спиной в дверь. И от толчка снова накатило на нее то же странное чувство, какое было недавно при выходе из метро. Ей показалось, что все вокруг закачалось и поплыло, как будто это не ее собственная квартира, а декорация в спектакле, и нерадивый рабочий сцены что-то там сделал не то, и декорации закачались и сейчас упадут.

Что-то коснулось ее резко — оказалось, что это муж схватил за руку и хорошенько потрянул.

— Мила, ты меня слышишь?

— А? Да, конечно... Что ты хотел сказать? — спросила она непослушными губами.

— Я уйду! — Он сказал это так спокойно, что она наконец поняла: это серьезно.

— Я уйду, — повторил муж, поскольку она молчала. — Я... встретил другую женщину и уйду к ней, с тобой жить я больше не могу. Ты поняла? — добавил он, удивленный, надо полагать, ее отстраненным, безжизненным видом.

А у нее как раз все перестало качаться перед глазами, она убедилась, что находится в собственной квартире, и дошли наконец его слова.

— Ка-какую женщину? — Мила даже удивилась. — Что еще за...

— Говорят тебе русским языком! — закричал муж резким, чужим голосом. — Я уйду! К другой уйду! Вот прямо сейчас уйду! Можешь ты это понять? А, черт, хотел же пораньше уйти, да вот провозился с вещами этими... А тут ты...

До Милы дошло, что если бы она не отпросилась у начальника, то, придя сегодня домой, застала бы пустую квартиру и в лучшем случае записку от мужа. А возможно, он вообще не оставил бы записки, просто ушел бы — и все. И телефон отключил бы.

— Ты уходишь в новую жизнь? — Она сама не узнала собственного голоса, до того он был сух и скрипуч. — К новой жене, в новую жизнь? Но чем тебя наша жизнь не устроила? Чем тебе я-то не

угодила? Ты никогда не давал мне повода считать, что...

— Ой, вот не надо никаких выяснений отношений! — закричал муж. — У меня нет на это времени!

Она хотела спросить, куда он так торопится, с чего вдруг сорвался именно сегодня и вообще — неужели она не заслужила никаких мало-мальски понятных объяснений? Все-таки три года они прожили. И все было хорошо. То есть это она так думала. Как выяснилось буквально только что, она ошибалась.

Но горло сжал спазм, так что она не смогла вымолвить ни слова. А муж схватил сумку, зажал портфель под мышкой и шагнул к двери. Но у двери стояла Мила, так что он поморщился, как будто у него болит зуб, и сказал устало:

— Ну что мне еще сделать, чтобы ты поняла? Ты не сможешь меня удержать, так что не старайся!

Она хотела сказать, что вовсе не пытается его удержать, она хочет только понять, что она сделала не так, неправильно, отчего он так с ней поступает? Но спазм не отпускал, так что она снова не смогла ничего сказать.

— Да уйди ты от двери! — заорал муж и поднял руку, чтобы оттолкнуть ее.

Лицо его вдруг стало таким страшным, что она испугалась, что он ее ударит. Она отпрянула в сторону, и муж выскочил из квартиры, напоследок сильно двинув ее дверью.

Сделал он это не нарочно, но на ее крик даже не оглянулся и бросился бегом вниз, не дожидаясь лифта.

У нее хватило сил только на то, чтобы запереть дверь.

После чего она снова села на пол и сидела так в полной прострации до тех пор, пока в дверь не позвонили. Звонки с трудом пробились к ней в голову, она очнулась... не от мыслей, нет, мыслей в ее голове не было никаких, она просто выпала из окружающей действительности на некоторое время.

Звонки все продолжались.

«Кто это может быть? — лениво думала Мила. — Муж вернулся? Да нет, у него же свои ключи...».

Тут она осознала, что муж ушел, ушел от нее к другой женщине в новую жизнь, ушел вот буквально недавно. Еще дверью ее двинул на прощание.

Мила потеряла отбитый бок и попыталась встать. За дверью снова звонили, потом кто-то со всей силы шарахнул в дверь ногой.

Мила поняла, что нужно подойти к двери и хоть спросить, кто там и какого черта ему надо. Но не смогла сдвинуться с места, удалось только поползти до входной двери. И там она услышала, что открылась дверь соседней квартиры и женский голос спросил, чего надо.

Очевидно, тот, кто ломился к Миле, позвонил к соседу. И мужской недовольный голос ответил, что он — курьер из ресторана, что привез заказанную еду, а ему не открывают. Сами заказывают, а сами спят, что ли... И телефон мобильный не отвечает.

И Мила вспомнила про ресторан. Ну да, она же заказала еду с доставкой. Неужели уже семь часов?

Со стоном она приподнялась, схватившись за ручку двери, потом повернула замок.

Лицо курьера с сердитого тотчас сменилось на изумленное.

— У вас неприятности? — спросил он.

— Не твое дело, — буркнула Мила, схватив пакет с едой.

Она заплатила там, в ресторане, и теперь курьер понял, что чаевых не дождется, и молча ушел.

— Привет! — услышала она, и кто-то придержал дверь, которую она собиралась захлопнуть.

Перед ней стояла крепко сбитая деваха в джинсах с цветами, вышитыми на ляжках, и в свитерке со стразами. Волосы у девицы были выкрашены разноцветными перьями, а круглые глаза излишне сильно подведены.

— Ты кто такая? — удивилась Мила. — Что здесь делаешь?

— Да я вообще-то...

— Тебе Витька квартиру, что ли, сдал?

— Ну да, — девица быстро закивала головой, — сам уехал, а мне ее сдал...

— На месяц, что ли?

— Почему на месяц, — удивилась девица, — сказал, что можно надолго. Я вообще-то из Колдобинска приехала, хочу тут, в большом городе, устроиться.

— Да Витька же работает вахтовым методом, месяц там, месяц здесь! И вообще-то квартиру никогда не сдает, потому что, как только приедет с деньгами, сразу же у него какая-нибудь девица нарисует-

ся, а потом, когда деньги кончатся, и ему снова на работу надо, она его бросает.

— Ну ладно, — девица махнула рукой, — значит, через месяц что-нибудь найду! Слушай, а я чего хотела-то... У тебя кофе нету? А то, понимаешь, кофе хочется, а идти куда-то сейчас сил нету...

— Кофе? — вяло переспросила Мила, и тут взгляд ее упал на многочисленные пакеты с едой. — А может, ты есть хочешь? Так заходи, тут вон какая прорва всего...

— Ой, правда, можно? — просияла девица. — Я шас!

Она юркнула в квартиру за ключами и тут же появилась снова, как бы опасаясь, что Мила передумает. Только тут Мила заметила, что девица была босиком, и ногти покрашены розовым.

Запирая за ней дверь, Мила машинально бросила взгляд в зеркало и остолбенела. В зеркале отражалась жуткая личность со вострешенными волосами и абсолютно дикими глазами. К тому же еще и блузка разорвана у ворота, и царапина на щеке.

И когда это все случилось?

Она зашла в ванную, кое-как разгребла волосы расческой, смыла засохшую кровь с царапины. Надо бы переодеться...

Но ужасно не хотелось идти в спальню, потому что там наверняка остались следы пребывания мужа. Мила вспомнила, как он скрипел дверцей шкафа и чертыхался. Небось разбросал все... нет, ей хватило на сегодня отрицательных эмоций.

Она надела махровый халат и пошла на кухню.

Нежданная гостья развернулась там вовсю. Она выложила на стол контейнеры с салатами и другими закусками, а горячее поставила в микроволновку. Нашла в буфете тарелки и приборы, еще поставила на стол бокалы. Мила чуть поморщилась: она никогда бы не оставила заказанную еду в контейнерах, есть же салатницы и блюда. Впрочем... откуда она, эта девица? Из Колоброда?

— Из Колдобинска, — обиделась ее гостья.

Миле стало стыдно — надо же, оказывается, она сказала это вслух. И какая, в конце концов, разница, что на столе стоит?

Вон она старалась, держала квартиру в чистоте и порядке, стол всегда накрыт был, как полагается, с салфетками и стаканами для воды. И что? Да ничего; оказалось, что мужу на все это наплевать, хоть и звал он ее всегда своей домовитой хозяйшечкой. А вот ушел к другой, и никакого хозяйства ему не нужно.

— Эй, ты чего? — пробился к ней встревоженный, озабоченный голос гостьи.

Она отобрала у Милы нож и усадила за стол.

— Эх, под такую закуску бы бутылку! Может, у тебя есть?

— Есть! — неожиданно для себя сказала Мила. — Вино есть хорошее и водки, кажется, немного осталось.

Гостья наложила ей на тарелку ветчины, и маринованных огурчиков, и фаршированных орехами баклажанов, и еще внушительную порцию салата с мясом. Мила сама его не любила — слишком жирное все, но заказывала для мужа.



Сейчас гостья сказала, что под это все обязательно нужно выпить водки, а вино уже потом.

Водка обожгла горло, Мила закашлялась и вдруг ощутила зверский голод. Они поели, потом выпили еще.

— Меня вообще-то Клавой зовут, — сообщила гостья. — Имя свое ненавижу, но вот живу. Назвали меня в честь прабабки. Уж не знаю, стоило ли ребенка в ее честь называть, а только она была Клавдия Арсеньевна, и у меня отец как раз Арсений. Ну вот меня и назвали Клавдией.

— Это еще что, — усмехнулась Мила. — Я вот вообще Милица.

— Как? Милиция?

— Милица.

— Да ты что? Есть такое имя?

— Представь себе, есть. Родители откуда-то его выкопали и выпендрились. Что в школе было — страшное дело.

— Милицией дразнили? — понимающе усмехнулась Клава.

— Ага. И ладно бы еще мальчишки. Так училка в начальных классах так и звала: «Милиция, к доске!»

— Досталось тебе! — Клава наливала вино.

Мила вспомнила, что вино это она покупала для праздника, для трехлетней их с мужем годовщины, а где сейчас муж? Ушел от нее к другой...

— Эй, ты чего? — спросила Клава.

У Милы уже слезы текли по щекам, и она вытирала их рукавом халата, потом она выпила еще ви-

на и завыла в голос, и Клава гладила ее по спине и говорила, что все пройдет, рано или поздно все пройдет, а Мила не соглашалась, утверждая, что такая любовь, как у нее, не пройдет никогда, что муж, уходя, разбил ей сердце и теперь она не может даже дышать в полную силу.

Прошло какое-то время, бутылка опустела, Клава заварила кофе, ловко и уверенно управившись с крутой Милиной кофеваркой, они выпили кофе с остатками ликера, найденного опять-таки Клавой в буфете, но перед этим съели еще жареную курицу, которая совершенно засохла в микроволновке, так что Мила все порывалась звонить в ресторан и требовать с них обратно деньги.

И тогда Клава, чтобы ее отвлечь, затянула частушку:

— И что со мной ты понаделал,  
Какой беды понатворил!  
Зачем ты в прошлый понедельник  
Мне белый розан подарил?

Там было еще много куплетов, и Мила подтягивала, как умела, пока не почувствовала, что больше не может ни есть, ни пить, ни петь, ни даже сидеть на стуле.

Мила проснулась от того, что в уши буквально вгрызалась очень знакомая мелодия. Не открывая глаз, она помотала головой, чтобы мелодия ушла. Не получилось, только голова заболела.

От этой боли слетели остатки сна, и Мила осознала, что мелодию издает ее мобильник.

Павлик! Это звонит Павлик, хочет сказать, что уже вернулся из командировки и едет домой. Человек усталый с дороги, а она тут разлеглась, вместо того чтобы...

Мила вскочила с кровати, точнее только хотела это сделать. Потому что от резкого толчка голова снова взорвалась болью. Да такой сильной, что все чувства удивительно обострились, так что, когда боль поутихла, Мила несколько пришла в себя и открыла глаза, хоть это и было сделать довольно трудно.

Было такое ощущение, что на веках лежали огромные мешки с песком, а когда она подняла веки, то эти мешки порвались, и весь песок остался в глазах.

Вокруг было все незнакомое, непривычное, и Мила долго недоумевала, где она, пока не осознала, что находится не в спальне, а в гостиной на диване. На ней был махровый купальный халат, и ноги ужасно замерзли без одеяла.

Противная мелодия все лезла в уши, никак нельзя было от нее отмахнуться, и Мила осознала две вещи: во-первых, это звонит не муж, а во-вторых, эта мелодия у нее поставлена для звонков только от одного человека: Таисьи, сестры мужа.

Ох, не зря в народе говорят, что золовка хуже свекрови! Свекрови у Милы нет, она умерла много лет назад, а вот золовка есть. И в данном случае народная мудрость совершенно права.

Таисья была старше Павлика на десять лет; когда их мать умерла, Павлику было пять, а ей пятна-

дцать. И она его вырастила. И очень часто об этом напоминала.

«Она заменила мне мать! — говорил муж, когда Мила пыталась робко жаловаться на то, что золовка слишком часто указывает ей, как жить, и вообще постоянно вмешивается в их отношения. — Если бы не она, то я бы... В общем, изволь относиться к ней уважительно!»

Мила пыталась, в первое время она готова была любить всех, кто был дорог Павлику, но, натолкнувшись на самую настоящую неприязнь со стороны его сестры, поняла, что жалобы мужу ничего не дадут, и постаралась как можно меньше с золовкой общаться.

Та и сама не собиралась дружить и, по подозрению Милы, наговаривала Павлику на нее. Так что общались они с Павликом вдвоем, Миле пришлось смириться.

Таисья ее терпеть не могла, Мила платила ей тем же, но помалкивала, только мелодию звонка установила жуткую — танец троллей Грига. Слушая эту музыку, Мила очень хорошо представляла золовку: высокая, вся какая-то квадратная, ступает по земле твердо, уверенно, ноги ставит прямо, и размер обуви не меньше сорокового.

Все черты лица крупные, будто топором вырубленные, они с Павликом немного похожи, но у Павлика лицо выглядит мужественным, а у Таисьи — просто грубым.

Телефон наконец замолчал, и Мила перевела дух и решила все-таки встать с дивана. Хоть и тяжело, а надо.